

ИЗ “БОЛЬШОГО ЗАВЕЩАНИЯ”

I

Я на своем году тридцатом
Всех бед увенчанный венцом,
Но в испытании проклятом
Не ставший впрочем ни глупцом,
Ни слишком мудрым, я отцом
Святым был мучим Д'Оссињи...
Отец он с благостным лицом,
Но я не из его семьи.

II

Не мой епископ он, не верю
В его я святость, — мой он бич.
Ко мне отнесся он как к зверю.
Но я не раб ему, не дичь.
Хлеб, воду, не с вином кулич,
Да свет в решетчатом окне
Он дал мне, ничего опричь...
Бог да к нему, как он ко мне!

III

Коль скажут: мой поступок важен,
И добрым пастырем в тюрьму
Был по закону я посажен,
И клевету я потому,
Прибегну к слову одному:
Коль был он добр и благосклонн,
Бог да соделает ему,
Так, как соделал здесь мне он.

IV

Я был свободы им лишен,
В тюрьме томился, голодая.
Пускай узнает в жизни он
Все то, что я узнал, страдая!
Но церковь, скажут мне, святая
Велит молиться за врагов.
“Мой стыд, мой грех!”, скажу тогда я:
“Предстать на суд я с ним готов!”

VII

Молитву Богу воссылаю,
Творцу, которым я спасен,
К чьей благодати я прибегаю.
Когда скорбями угнетен,
Чьей силой я освобожден,
В тюрьме томившийся дотоль, —
Прославлен будь Господь, и он
Людовик, Франции король!

VIII

Да будет счастлив, как Иаков!
Да будет в мудрости, в чести
Он с Соломоном одинаков;
Победы ж... всех не привести:
Что шаг, удача на пути.
И да поможет Божья сила
Ему груз жизни донести
Легко до лет Мафусаила!

X

Приблизившись к могильной тьме
И с каждым днем все ближе к ней,
Но в здравом находясь уме,
Какой мне Богом дан (умней
Не стал от школьных я скамей), —
Пишу теперь я завещанье
С последней волею моей
Чтоб с жизнью продлить прощанье.

XI

Когда приветные знамена
Вились при встрече короля,
Был из тюрьмы тогда Мёёна
На волю выпущен и я.
Молюсь Царю я бытия
За государя; жизнь отдать
Я за него готов, друзья.
Нельзя добро нам забывать.

XII

Я признаю, что жребий строгий,
И неудача, и беда,
Изгнаний тяжкие дороги,
Что длились многие года,
Страданья, скорби и нужда,
Отдернув жизни все завесы,
Мой изощрили ум куда
Сильней, чем все Аверроэсы.

XIV

Что грешник я, скрывать не тщился
Я никогда, но Бог хотел,
Чтоб я пред смертью обратился,
И за земной ушел предел,
Раскаясь в скверне наших дел.
Помянет Бог мои лишенья,
Что на земле я претерпел,
И мне отпустит прегрешенья...

XVII

Был к Александру приведен
В цепях разбойник Диомед;
Морским разбойником был он,

И натворил не мало бед,
И осужден на казнь за вред.
Царивший на морских валах,
Теперь царю он дать ответ
Предстал в звенящих кандалах.

XVIII

И Александр его спросил:
“Скажи, зачем ты воровал?”
И смело пленник возразил:
“Зачем ты так меня назвал?
Что на суденышке летал
Отважно на морском я лоне?
Но если б рок мне средства дал,
Как ты, царил бы я на троне.

XIX

“Чего же от меня ты хочешь,
Меня, простого бедняка?
И для чего меня порочишь?
Судьба ко мне была жестка,
А жизнь несносна и горька.
Ты оправдать меня сумей,
И знай: коль бедность велика,
Дружит законность мало с ней”.

XX

И царь, все выслушав, в ответ
Сказал: “Приемлю твой укор.
Освобожу тебя от бед;
Открыт тебе мой будет двор”.
И честно зажил прежний вор;
И тот, кто обществу был враг,
Стал другом общества с тех пор —
Валерий повествует так.

XXI

Когда б и мне Господь послал
Царя подобного другого,
Который бы подняться дал
Мне из-под ига рока злого, —
Пускай сожгли б меня живого,
Коль вновь бы я спустился в ад!
Нужда научит злу любого,
Из леса гонит волка глад.

XXII

Когда б я в молодости шумной,
От всех соблазнов вдалеке,
Отдался лишь науке умной,
Теперь бы в теплом уголке
Я жил, казна была б в мешке.
Но я ушел, и мне осталось
За то терпеть... На сей строке

Мое в груди так сердце сжалось!

XXXV

Познал я бедность, бедность с детства,
И голодал я много раз.
Отцу не передал наследства
Мой дед, по имени Орас.
Могилы предков — без прикрас
(О, упокой их Царь небесный!);
Корон, ни скиптров нет у нас,
Отцы и деды спят безвестны.

XXXVI

На бедность жалобой греша,
Я часто говорил себе:
“Смирись и не ропщи, душа,
Смирись, не мысли о борьбе.
И в господине и в рабе
Смерть обрывает жизни нить.
И не завидую тех судьб,
Чей рок — под мавзолеем сгнить”.

XXXVII

Был царь, пол миром правил он.
А кто он, саваном обвит?
Червям достался весь в полон.
Об этом говорил Давид.
Но, бедный грешник, не левит,
Оставлю эту тему я.
Пусть церковь выставит на вид.
Вам эти истины, друзья.

XXXVIII

Не ангел я, звезда Эдема
Не блещет на моем челе,
Ни золотая диадема.
Отец — душой в небесной мгле,
А телом под крестом в земле;
И скоро мать умрет, дочь бед,
— Морщин так много на челе
Уйдет и сын за ними вслед.

XXXIX

С румянцем, с бледностью в ланитах,
В добре проживший иль во зле,
Родов простых иль знаменитых,
С пятном иль славой на челе,
На шее с петлей иль с колье,
Монах иль светский, трус иль воин,
Мудрец, глупец, в шелку, в тряпье, —
Всяк будет смертью успокоен.

XL

И будь Парис или Елена,

Кто умирает, тот скорбит,
Что станет скоро жертвой тлена;
И прежде тела дух убит,
Что после жизненных обид
Обида смерти угнетает.
Ни сын, ни брат не пособит;
Как смертный пот тяжел, Бог знает.

ХLI

И страха нам не побороть.
Нос заостряется; бледнеет,
Дрожит слабеющая плоть;
И Божий свет в глазах темнеет...
О тело дев, что пламенеет,
О тело жен, живой атлас, —
Судьба для гроба вас лелеет.
Где будет пламень уст и глаз?

БАЛЛАДА

о дамах былых времен

Скажите, где, в какой стране,
Таис, предмет былых мечтаний?
Где Флора, Берта? где оне?
Замолкли звуки их названий,
Как Эхо смолкла, чьих стенаний
Призыв будил уснувший брег.
Была ль краса без увяданий?
Да где ж он, прошлогодний снег?

И где она, скажите мне,
Где Элоиза? К ней, — в сутане,
Но страсти все ж горя в огне, —
Слал Абеляр листы посланий...
Где та, любовник чей, в тумане,
Был брошен в Сену с ложа нег?
(Слыхали вы о Буридане?)
Да где ж он, прошлогодний снег?

Где Бланш, подобная весне?
И где Алис, стройнее лани?
Где та, что отдалась войне
И что потом сожгли в Руане?
Владычица в небесном стане,
Святая Дева, где их век!
Где их уста, глаза, их длани?
Да где ж он, прошлогодний снег?

Принц! грустно смерти платит дани
С припевом вечным человек.
Где скорбь разлук, восторг свиданий?
Да где ж он, прошлогодний снег?

БАЛЛАДА

о сеньорах былых времен

И кто еще? Где он, Каллист,
Тиарой папской осенен,
Чей был так славы нимб лучист?
И где Альфонс, и граф Бурбон?
Где Оливье, герой барон?
И где Артур, король Бретани, —
Чей был высок волшебный трон?
Где все герои Шарлеманя?

И где, душой и телом чист,
Король Шотландский? ликом он
Румян был, точно аметист,
Так—по преданию времен.
В иной он край переселен.
И где другие, чьих прозваний,
Чьих не припомню я имен?
Где все герои Шарлеманя?

И без конца он, скорбный лист!
Наш мир — добыча похорон,
И наших дней ручей струист.
Что день — потеря и урон.
Еще один вопрос, иль стон:
Где Ланселот, в богемском стане
Когда-то ллавой окружен?
Где все герои Шарлеманя?

Гесклен, что был так непреклонн, —
В каком сокрылся он тумане?
Где граф усопший Д'Алансон?
Где все герои Шарлеманя?

LXXIX

Слабеет сила, зол недуг;
Я скоро должен замолчать.
Итак садись, Фремэн, мой друг,
Здесь, у одра, достань печать,
Перо, бумагу, — я начать
Хочу, как должно, Завещанье;
Благоволи же отмечать,
Кому и в чем мое даянье...

LXXX

Во имя Господа Отца
И Сына, и Святого Духа,
Их царствию же несть конца...
Ко мне Господь да склонить ухо!
Мое, как щепка, тело сухо;
Ходячей я химерой стал;
Я жизнь влачу осенней мухой,
Я жажду смерти, я устал.

LXXXV

Так! душу бедную свою
С надеждой, верой и смиреньем
Я Пресвятому предаю;
И с покаянным сокрушеньем
Я слезы искреня лью,
У Приснодевы же молю
Предстательства и обороны,
Чтобы душа моя в раю
Могла узреть святые троны.

LXXXVI

И завещаю плоть свою
Великой матери земле я.
Плохой обед червям даю:
Равно в столице и в селе я
Алкал и жаждал; не жалея,
Что из земли, земле ж отдал.
Все в Мире ждет, мечту лелея:
Вернуться б вновь к родным местам!

LXXXVII

Затем: Гильому де Виллону,
Чей я по имени двойник,
Чьему отеческому лону
Я всем обязан — в этот миг
К нему б с любовью приник,
Пусть все простит мне, Бога ради! —
Я отдаю собранье книг,
Свои писанья и тетради.

LXXXIX

Балладу — матери моей.
Дабы молилась в Божьем доме
И у себя... Кто мне милей,
Кто мне дороже и знакомей?
Она в лачужке на соломе
Так много лет болела мной.
Мне есть ли где защита, кроме
Моей старушки золотой?

БАЛЛАДА

для моей матери, чтобы умолять Приснодеву

Царица рая и Царица ада,
Владычица и Неба и земли,
О Приснодева! Ты лишь мне ограда.
Влачусь в греховном прахе и пыли,
Но мне с высот, Заступница, внемли.
К Тебе, к Тебе, всеславимой, всепетой,
Я из земной юдоли, тьмой одетой,

Взываю, — небеса твои узреть
Дай мне, молю, хоть недостойна. С этой
Хочу я верой жить и умереть.

Молитва мне единая отрада.
Меня в свой рай по смерти посели,
И от греховного очисти смрада,
И за меня ты Сына умоли,
И смерти страх от сердца удали!
Как Феофил, уж с дьявольской отметой
Прощен Тобою был, о Матерь Света,
Прости так и меня! Дай мне стареть
Безгрешно, да предстану чистой. С этой
Хочу я верой жить и умереть.

Небесного мне дай достигнуть града
И пусть моих молитв от бед вдали
Горит неугасимая лампада;
Мне место уготовь в том бытии,
В пределах тех, где ангелы твои
На арфах и на лютнях, там, где лето
И где весна, играют песнь привета.
И с этой верой я жила, и впредь,
Старуха неученая, лишь с этой
Хочу я верой жить и умереть.

*Великая Заступница, воздеты
И длань моя и мысль к Тебе. Согреты
Любовью мы твоей. Покров везде ты
Любви простерла на весь мир. Стереть
О дай мне пятна с совести. К стране той
Небесной проведи мне душу. С этой
Хочу я верой жить и умереть.*

ХСII

Дабы с Амуром кончить тут,
Я пару слов скажу о ней,
— Пускай ее потомки чтут, —
О ней, которая — (ей-ей,
Ревную все еще) нежней
Была ж к кому-нибудь, но гнева
Полна ко мне и всех вредней.
Прости же ей, Святая Дева!

ХСIII

Большую, прочим не в пример,
Я ей балладу отпишу.
В которой рифмы все на р.
(Я в них вовек не погрешу):
Любовью к ним да к ней дышу.
Мой друг, Пернэ, моя вострушка
Коль встретится, сказать прошу:
Где нынче шлялась, потаскушка?"

БАЛЛАДА

для моей подруги

*Ф*альшивые слова, фальшивый вздор,
*Р*умяные уста и щечек жар;
*А*мур сумеет выбрать и убор;
*Н*арочно выставляет на базар
*С*толица для красоток свой товар;
*У*ма же выбрать хватит и у дур;
А нас, нас всех, хоть молод будь, хоть стар,
Поддерживая, мучит лишь Амур.

Давно бы кончить этот мне позор!
Близ солнца ослабею, как Икар.
Страшусь. Зачем же медлю до сих пор?
За дерзость ожидаю грозных кар;
Порвать решаюсь, но решение — пар,
Лишь встречу этот взор и губ пурпур;
И снова в голове моей угар.
Поддерживая, мучит лишь Амур.

*В*ода течет, года идут. И взор
И щеки блекнут; ждет судьбы удар.
И время красоту похитит, вор.
*Л*ови же час. Пока резервуар
*Л*ьет влагу, пей. Не будет прежних чар.
О! не дразни же слишком, чересчур!
*Н*е мучь меня! Зачем, суля свой дар,
Поддерживая, мучит лишь Амур?

Принц! страстию живет земной весь шар;
Но тот, кто любит, страждет часто, хмур;
Найдете вы не много мирных пар, —
Поддерживая, мучит лишь Амур.

CLXXVI

В ограде я Сент-Авуа
Хочу лежать, коль нет запрета.
Даю художникам права
Я на издание портрета,
Чтоб лик мой ведом был для света,
В гравюре тонкой. Мавзолей
Не нужен вовсе: тяжесть эта
Для персти не идет моей.

CLXXVII

И на плите своей могильной
Хоть углем, — это мне под стать, —
Без эпитафии умильной,
Чтоб только можно прочесть,
Я завещаю начертать,

Без золота и статуэтки,
Дабы не соблазнился тать,
Слова такой простой заметки:

CLXXVIII

Веселый школьник и поэт,
Любовью на смерть поражен,
Несчастный сын несчетных бед,
Лежит здесь Франсуа Виллон.
Наследства не оставил он,
Ни прочного следа ни в чем,
Но был ко всем он благосклонн.
Друзья, скажите так о нем:

РОНДО

Того, Господь, здесь упокой,
Тому дай мир, кто всех мощей
При жизни, право, был тощей;
Кто доли не имел людской,
Ни шевелюры никакой, —
Облуплен, лыс, худ, как кощей, —
Того, Господь, здесь упокой.

Изгнанник, он бродил с клюкой,
Один, без денег, без вещей,
Всю жизнь алкая блюда шей.
Под гробовою здесь доской,
Господь, раба ты упокой.

Как гроб нести мой величаво, —
Вильгельму Рю пускай дано
Распоряжаться будет право.
Неоспоримо будь оно!
Так! настрадался я полно.
Но я за беды все журю
Себя, себя лишь; и давно
Всем говорю: благодарю!

БАЛЛАДА,

в которой Виллон всех благодарит

И молодым и старикам,
И в жизни кротким всем барашкам,
И в жизни хищным всем волкам,
Глупцам и дурам и дурашкам, —
И дамам света и монашкам, —
Кто служит Вышнему Царю,
И кто привержен к винным фляжкам,
Всем говорю: благодарю!

Подобны груди будь плодам,
Будь груди их подобны плашкам,
Девчонкам всем по кабачкам,
И всем мальчишкам-замарашкам,
И им, бродягам, вольным пташкам,
В полях встречающим зарю,
И безобразным и милашкам,
Всем говорю: благодарю!

Не им, что полы по дворам
Рвут беднякам, стремятся к ляжкам,
Не с громким лаем грозным псам,
Не злобным маленьким дворняжкам...
Я славный звук в ответ канашкам
Пустить желанием горю,
Но не хочу вредить подтяжкам.
Всем говорю: благодарю!

Их отгузить бы по мордашкам,
Да перцу б в каждую ноздрю,
Да тумачкам. Но в роке тяжком
Всем говорю: благодарю!

Перевод Сергея Пинуса

Источник: Французские поэты. Характеристики и переводы. Т. 1 / Сост. и пер. С. Пинуса. - СПб.: Жизнь для всех, 1914. - С. 162-179.